

Первые судьи – начало

Татьяна Васильевна ФЕДОСЕЕВА, судья ФАС Московского округа

Родилась 16 октября 1954 г. в Пермской области. Окончила Пермский государственный университет. Трудовая деятельность связана с работой в органах прокуратуры, судах общей юрисдикции, адвокатурой. С 1993 по 1995 г. — судья Коми-Пермяцкого окружного арбитражного суда. С 1995 г. — судья ФАС Московского округа. Стаж по юридической специальности — 33 года. Имеет первый квалификационный класс. Награждена Почетной грамотой ВАС РФ, присвоено звание почетного работника судебной системы, награждена медалью «За заслуги перед судебной системой Российской Федерации» II степени.

— Татьяна Васильевна, Вы одной из первых пришли работать в ФАС МО при его создании. Как Вы были направлены на работу именно в кассационную инстанцию?

— В суде общей юрисдикции, народном суде г. Кудымкара, я проработала около семи лет. До этого, после окончания университета, была адвокатом. Потом, в 1992 г., были созданы арбитражные суды, и председатель нашего городского суда, когда ему предложили должность председателя Арбитражного суда Коми-Пермяцкого округа, пригласил меня перейти в этот суд.

Мой перевод в Москву был обусловлен тем, что мой муж был назначен на работу при Совете Федерации заместителем начальника отдела по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам. Мне предлагали работать в Верховном Суде, но я посчитала, что для этого недостаточно опытна.

А пойти в окружной суд я согласилась. Конечно, было страшно, потому что в арбитражном суде я проработала всего два года. Я знала, что дела здесь более сложные, но я рискнула.

Огромную помощь первое время оказывали судьи, пришедшие из Московского городского арбитражного суда, особенно Александра Михайловна Медведева, которая сейчас работает в Высшем Арбитражном Суде.

— За 15 лет наверняка что-то поменялось в работе суда и судьи. Что, на Ваш взгляд, наиболее показательно, какие изменения произошли?

— В работе суда, конечно, поменялось многое. Во-первых, количество дел увеличилось. Во-вторых, изменилась их специфика.

— Они стали сложнее?

— Да, сложнее. Особенно дела, связанные с инвестированием, у нас их в первое время было совсем немного. Даже дела по договорам подряда стали намного сложнее. Остальные категории, банкротство к примеру, тоже усложнились.

— Соответственно, и судебные акты стали более сложными и объемными?

— Конечно же.

— А с точки зрения полномочий кассации произошли какие-то существенные изменения? Ведь АПК 1995 г. предусматривал проверку обоснованности актов нижестоящих судебных инстанций в полном объеме.

— Да. В самом начале мы исходили не только из доводов жалобы, а проверяли их законность в полном объеме. Сейчас все-таки больше ощущаешь ограничения суда кассационной инстанции, учитывая позицию Высшего Арбитражного Суда, который говорит о том, что мы иногда превышаем свои полномочия.

У нас были дела, когда мы, если сторона приносила квитанции о том, что она погасила задолженность по арендным платежам в полном объеме, т.е. основания для расторжения договора отпадали, отменяли такие судебные акты и принимали решение об отказе в иске о расторжении договора и выселении. Сейчас я понимаю, что, наверное, мы неправильно действовали, потому что по АПК мы не вправе принимать никакие новые доказательства. Но мы так решали, и Высший суд не отменял наши постановления.

— То есть кассация за это время устоялась как самостоятельная инстанция со своей понятной компетенцией и процедурой рассмотрения дела?

— Да. Конечно, она устоялась. Свои полномочия мы знаем четко и, естественно, их не превышаем.

— А как Вы относитесь к последним изменениям в процессуальной сфере, в частности к идее судебного прецедента? Насколько перенос с окружного суда на Высший суд основной функции по формированию судебной практики, на Ваш взгляд, оправдан?

— Это позиция Высшего Арбитражного Суда, правомерность которой признана Конституционным Судом. Если на этом сошлись два высших суда, значит, так и должно быть.

— Таким образом, можно говорить о том, что задачи кассации сегодня несколько меняются?

— Если раньше можно было говорить о том, что кассация в пределах округа формировала практику, то сейчас следует, наверное, говорить о том, что кассация должна проверять законность судебных актов в строгом единообразии с тем, что сформировано Высшим судом на сегодняшний день.

— Задача немножко сужена?

— Получается, что сужена, потому что практику формирует исключительно Высший суд, а кассация уже должна следить за правильностью правоприменительной практики, за единообразием. Поэтому приходится еще внимательнее относиться к позиции Высшего Арбитражного Суда.

— Недавно Президент России озвучил на совещании, посвященном судебной реформе, решение о дальнейшей модернизации гражданского и арбитражного процесса. Как Вы к этому относитесь, что считаете необходимым изменить?

— Весь мир не стоит на месте, поэтому, наверное, и правоохранительная система, и правосудие тоже должны модернизироваться.

— Как Вы считаете, использование Интернета направлено на упрощение процесса отправления правосудия или, наоборот, усложнит его?

— Речь идет о том, чтобы наше правосудие стало более открытым, чтобы велась аудио- и видеозапись каждого заседания и их трансляция в Интернете в режиме онлайн.

Подача исков и рассылка участникам процесса уведомлений о судебных заседаниях в электронной форме, может быть, действительно упростит жизнь, потому что дела часто откладываются из-за того, что отсутствуют доказательства надлежащего уведомления — почтовые извещения.

— Татьяна Васильевна, как по-Вашему, юрист — это призвание или профессия?

— Мне кажется, это призвание. По крайней мере, со временем работа судьи и присущая этой должности «юридическая форма мышления» выходят за рамки просто работы, и это начинает определять личные взгляды, принципы.

Это не работа от звонка до звонка, это жизнь внутри суда среди единомышленников, зачастую жертвующих своим личным временем, здоровьем ради работы. Такую работу иначе как призванием назвать невозможно.